

Народный Комиссариат
по делам национальностей

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕ-
МЕСЯЧ-
НЫЙ ЖУР-
НАЛ ПО ВОПРО-
САМ ПОЛИТИКИ,
ЭКОНОМИКИ И КУЛЬ-
ТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
РСФСР.

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

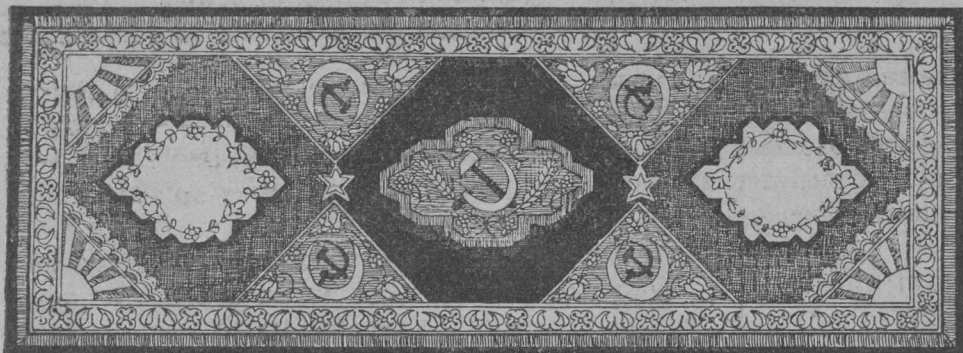
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПО-
ЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИО-
НАЛЬНОСТЕЙ Р.С.Ф.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. И. Бройдо и М. П. Павловича.

Книга V

МОСКВА—1923.

Экономическое об'единение ср.-Азиатских Республик, как фактор национальной политики.

Почти одновременно с возникновением Союза Советских Социалистических Республик произошло и экономическое об'единение 3-х Советских республик Средней Азии: Туркестанской Сов. Социал. Республики и Советских Народных Республик — Бухары и Хивы. Последние две, как Республики не социалистические, не вошли в состав С. С. С. Р., но, как советские государства, они не могли остаться совершенно в стороне от этого об'единения. К этому их толкала не только необходимость тесного военного союза, но также — и в первую очередь — причины экономического характера.

Все три республики — страны, по преимуществу, сельского хозяйства. Сельское население в Туркеспублике составляет 75,6%, в Бухаре — 81,8%, в Хорезме — 93,1%. Характер с.-х. культуры в них более или менее однороден: везде хлопок является основной и доходнейшей культурой. Системы хозяйства почти однотипны. Мелкое хозяйство (от 5 до 2-х человек на 1 поливную десятину) везде является преобладающим.

Промышленность везде развита слабо и почти исчерпывается первоначальной обработкой продуктов земледелия (хлопок, шелк, фрукты) и скотоводства (шерсть, кожи, кишки, различного рода овчины).

Везде ирригация составляет главную базу народного хозяйства. Ирригационные сооружения незначительно разнятся по своей технике. Наконец, и самые ирригационные системы расположены на общих реках: Аму-Дарье и Зеравшану.

Все три республики были в недавнем прошлом колониями русского капитала и поставляли сырье и полуфабрикаты для фабрик

центральной России. Всюду широкие массы декханства были в тяжелом феодальном (эмирском в Бухаре и ханском в Хиве) и колониальном рабстве. Социальная структура соответственных групп земледельческого и скотоводческого населения везде была приблизительно одной и той же.

Географически и этнографически, а в значительной степени и культурно, средне-азиатские республики составляли одно целое, будучи населены одними и теми же народами. Ни одна из этих республик не была в прошлом национальным государством.

Наконец, в настоящее время перед всеми 3 республиками стояли одни и те же задачи: восстановление разрушенного гражданской войной хозяйства, в первую голову сельского, урегулирование аграрных отношений в интересах широкого декханства, ликвидация остатков феодального и колониального прошлого, установление прочной связи с промышленностью Советской федерации, при соблюдении интересов обеих стран, и восстановление транспорта.

Все эти задачи, в чрезвычайно однотипной обстановке всех 3-х республик, требовали для своего разрешения почти одинаковых мероприятий.

Экономика Советских Республик толкала их к объединению, к согласованию действий, к взаимному использованию опыта Советского строительства. При правильно построенной Советской власти противоположности интересов нет и не может быть, так как советская власть по самой своей природе ведет к международному и междунациональному единству.

После ряда подготовительных совещаний и комиссий в марте 1923 года состоялась 1-я конференция ср.-Азиатских Республик, которая постановила: „в целях укрепления“ и развития народного хозяйства означенных выше республик, объединить их „на началах единства их экономической политики и хозяйственного плана“.

Далее конференция постановила: произвести унификацию денежного обращения во всех республиках, в смысле принятия денежной системы С. С. С. Р.; объединить все выступления в области внешней торговли и „принять меры к устранению взаимных конкуренций на внутреннем рынке“ в деле заготовки экспортного сырья; произвести объединение управления транспортом, подчинив его Н. К. П. С. С. С. Р.; объединить также дело почтово-телеграфной связи, кроме средств связи узко-местного значения; установить теснейший контакт в отношении постановки статистического дела, госторговли, кооперации и всех мероприятий по вопросам земледелия и ирригации; в отношении последних — земледелия и ирригации — строго провести единый план, используя культурные и технические силы и опыт Туркесреспублики; ввести единство мероприятий в отношении хлопко-

водства, стремясь к его восстановлению и соблюдению интересов декхан.

Таковы основные решения конференции. Для осуществления и проведения в жизнь своих решений конференция организовала постоянно действующий Средне-Азиатский Экономический Совет и Президиум конференции, являющийся в междусессионное время ее исполнительным органом. Постоянный Президиум конференции был образован из 1 представителя РСФСР, 4 от Туркесреспублики, 2 от Бухресреспублики и 2 от Хорезма.

* * *

Экономическое объединение Средне-Азиатских республик кладет начало планомерному регулированию их хозяйства на основе общего плана. Совершенно несомненно, что в этом направлении оно быстро даст положительные результаты.

Но существенно важным является оно и с точки зрения разрешения существовавших и далеко еще не изжитых национальных трений.

Помимо национально-колониального вопроса, т.-е. помимо национальных трений туземных народов с русскими, во всех трех республиках имеются и столкновения между самими коренными народами.

Борьба с остатками колониального наследия, борьба с колонизаторством, ликвидация всех и всяческих привилегий недавно великодержавной нации, — такова первая и основная наша задача в национальном вопросе, как в Туркестане, так и в Бухаре и в Хорезме. Только решительное подавление всех отпрысков колониального великодержавия со стороны советского аппарата — все еще европейского в Туркестане в своем ответственном большинстве — позволит успешно бороться против местных оборонительных (узбекского, туркменского, киргизского и т. д.) шовинизмов. В этом пункте экономическое объединение является чрезвычайно важным. Экономическая работа на основе товарищеского сотрудничества и безусловного равенства всех народов, экономическое строительство, направленное к ликвидации всех остатков колониальной зависимости недавно угнетенных народов, — позволяет быстро идти по пути изживания национального недоверия, позволяет быстро забыть старые национальные обиды.

Несколько сложнее изжить в Средне-Азиатских республиках чисто местные национальные трения.

На первый план среди местных национальных антагонизмов в настоящее время выдвинулся туркмено-узбекский вопрос. Он особенно остро стоит в Хиве и достаточно серьезно в Бухаре.

Причины этих трений в земельно-водном неравенстве и в торговой эксплуатации кочевников и полукочевников туркмен узбекским

торговым капиталом. Это неравенство поддерживалось ранее и царизмом, и хано-эмирским деспотизмом. Туркмены, только что начавшие интенсивное оседание, попадают на еще неорошенные, худшие часто солончаковые земли; лучшая земля занята давно оседлыми узбеками. В этом — корни национальной узбеко-туркменской вражды.

Развитой узбекский капитал собирает с туркмен торговую прибыль, вклинивается в их внутренние отношения, разлагает и без того клонящийся к упадку родовой строй и вызывает национальную ненависть туркмен.

Вместе с революцией и свержением ханской и эмирской деспотии, вместе с утверждением в Хиве и Бухаре Советской власти, вопрос урегулирования узбеко-туркменских отношений стал одним из кардинальных вопросов в политике обеих республик. Но по существу он оставался не решенным; экономически он — в полном объеме — далеко не решен и теперь. Экономический Союз Средне-Азиатских республик обеспечивает организованное и систематическое устранение экономического узбеко-туркменского неравенства и тем самым способствует изживанию и полному устранению национальных трений. Работа Союза, согласно постановлений конференции в туркмено-узбекском вопросе, будет развиваться пока в общих мероприятиях следующего характера: оказание всемерной, планомерной поддержки туркменам в их стремлениях к оседанию на землю, путем предоставления им достаточного количества воды, путем углубления и поддержания в порядке, как существующей сети арыков, так и „путем прорытия новых“; предоставление права той или другой народности „самостоятельного проведения арыков“, „ассигнование из государственной казны средств, как на ирригационные, так и на землеустроительные работы“. В соответствии с этими требованиями по Хорезму, Экономический Союз Средне-Азиатских Республик преследует по Бухаре „скорейшую ликвидацию Эрсаринской (Туркменское племя) эмиграции и возвращение эмигрантов на родные поля“, „наделение безземельных туркмен землею из фондов бывших эмирских чиновников“, отведение им необрабатываемых площадей и оказание финансовой помощи в устройстве необходимого им „орошения“ и землеустройства.

Вторым вопросом национальных трений между туземными народами являются туркмено-киргизские отношения.

Их причина — борьба за пастбища. Эта борьба развертывается почти исключительно на севере Туркменской (б. Закаспийск.) области Туркесреспублики, лишь отчасти задевая Хиву.

До сих пор все попытки регулирования этих столкновений, переходивших неоднократно (напр., летом 22-го года) в вооруженные

столкновения, оказывались неуспешными. Совершенно несомненно, что с этим вопросом Средне-Азиатскому объединению придется столкнуться в ближайшее время.

Третьим вопросом является вопрос узбеко-киргизских отношений. Главным театром действия здесь является Туркесреспублика, отчасти Бухара, в меньшей степени Хорезм. В этом случае главным моментом межнациональной вражды является торговая эксплуатация киргизского народа узбекским торговым капиталом. Сильнейшее обнищание киргизского хозяйства под ударами русской колонизации вызвало исключительно быстрый развал родового быта и создало особенно удобные условия для закабаления их торговым капиталом, гл. образ. узбеками, т. к. узбекский торговец являлся для киргизских масс представителем не только узбекского, но и русского капитала, служа посредником между узбекским производителем и русским купечеством с одной стороны и киргизом-потребителем — с другой. Это обостряло отношения и усиливало национальный антагонизм. За узбекским купцом шел узбекский мулла, узбекский учитель, узбекский судья-казий, одним словом, шло культурное завоевание киргиз. В этом — основные вехи узбеко-киргизских трений. Их причина опять-таки достаточно явно лежит в экономических различиях обоих народов.

Быстрейшая ликвидация этих трений является чрезвычайной, ударной для Туркестана задачей. В условиях НЭП'а быстро растут все и всяческие национализмы и шовинизмы. Вместе с НЭП'ом воскрес и узбекский торговец, избавившийся за время революции от русского конкурента. Национальные столкновения могут обостриться. Уже и сейчас в ряде случаев приходится отметить сепаратистские настроения среди киргиз, стремящихся к выделению киргиз Туркестана в особую национальную Республику, попытки отгородиться от узбекского капитала китайской стеной административных границ. С другой стороны растет наступательный шовинизм узбеков.

И тому, и другому должен быть положен конец. Политика Сов. власти есть политика объединения, а не раз'единения национальностей. Экономическое объединение Республик Средней Азии должно явиться и разрешением экономических трений между киргизом, туркменом и узбеком. Вместе с этим, и только вместе с этим придет и национальный мир.

Советская власть, верная своим основным принципам, разрешает национальные антагонизмы мерами экономического воздействия.

Своим согласованным плановым строительством хозяйства отдельных национальностей и вовлечением их в орбиту единой системы хозяйственного обращения, Советская власть правильно и до конца разрешает сложные проблемы национальной политики.

Экономический Союз 3-х Средне-Азиатских Республик, с этой точки зрения, является одним из мощных факторов нашей национальной политики на Востоке и послужит не только залогом успешного хозяйственного возрождения Туркестана, Бухары и Хивы, но также явится твердым фундаментом национального мира для всех народов Средне-Азиатского Востока.

Г. Скалов.

Народный Комиссариат
по делам национальностей

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЖЕ
МЕСЯЧ.
НЫЙ ЖУР.
НАД. ПО ВОПРО.
САМ. ПОЛИТИКИ,
ЭКОНОМИКИ И КУЛЬ.
ТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
Р. С. Ф. С. Р.

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПО-
ЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИО-
НАЛЬНОСТЕЙ Р.С.Ф.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Г. И. Бройдо, М. П. Павловича и И. П. Трайнина.

Книга III и IV.

Государственная
ПУБЛИКАЦИОННАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ

МОСКВА—1923.

По автономным республикам и областям и среди нацменьшинств.

О Б З О Р Ы.

Социальная природа басмачества в Туркестане.

Ферганское басмачество, с которым борьба ведется уже в течении почти пяти лет, представляет собой чрезвычайно интересное социальное движение, в полной мере типичное для колониальных стран.

Правда, как самые формы его внешнего, главным образом военного, проявления, так и социальные слои, в нем участвовавшие, неоднократно изменялись, но за всем этим внимательному взгляду всегда можно было разглядеть то основное, что для него характерно,—стремление к реставрации замкнутого натурального хозяйства.

Этот основной лейтмотив его иногда, особенно в первые годы, как бы отходил на задний план, отодвигаемый интересами временно примыкающих к басмачеству общественных групп, но никогда не мог быть заслонен ими в полной мере.

Развиваясь в чрезвычайно сложной обстановке колониальной страны, где современный капитализм переплетался с остатками феодального общества, а банки существовали наряду с родовым бытом, басмачество, формально обозначившись, как военная сила, направленная прежде всего против Советской власти, объединило в себе разнородные общественные группы от узбекского дехканства до русского офицерства и интеллигенции, и от русского

кулака-колонизатора до туземных националистов и даже до угнетаемых этим самым кулаком киргиз. Иногда отдельные примыкающие к нему слои оказывались настолько активны, что захватывали в свои руки руководство движением, но всегда затем оказывались лишь его временными попутчиками. По существу, принимая в себя и всевозможные ручьи российской буржуазной контр-революции и ими осложняясь, оно, также как и индийское восстание сипаев середины прошлого века, направлено прежде всего против колониально-капиталистической эксплуатации. Так же, как и движение сипаев, оно смотрит прежде всего не вперед, но назад, ведется под национально-освободительными лозунгами, идеализирует прошлое и стремится к его возрождению. Конечно, борьба против социалистического государства, борьба бок о бок с российской контр-революцией, придавала ферганскому басмачеству особый, только ему свойственный и характерный оттенок. *В основном же басмачество является продуктом столкновения недоразвитых форм замкнутого хозяйства с относительно развитыми формами хозяйства менового, выражает против последнего протест эксплуатируемых дежканских (крестьянских) масс в условиях примитивной техники производства и их стремление реставрировать привычное натуральное хозяйство и вырастающие на нем феодальные отношения.*

Изучить условия возникновения басмачества необходимо не только для борьбы с ним, но и для учета тех возможных движений, с которыми еще придется иметь дело революции на Востоке (при аналогичных, конечно, условиях).

* * *

Фергана к моменту русского завоевания являлась типичным примером замкнутого по преимуществу натурального хозяйства, характерного для большинства стран Средней Азии до проникновения в нее европейского капитала. Торговый капитал, игравший большое значение, еще далеко и далеко не приобрел в ее хозяйстве доминирующей роли.

Примитивная техника в ведении сел. хоз. определяла, как общее правило, чрезвычайно низкий уровень прибавочного труда. А значительноеобразие условий оседло-оазисного хозяйства вело и к чрезвычайно разнообразию техники в различных районах. В то же время отсутствие удобных путей сообщений (кроме караванных дорог) с отдаленными странами, различными по природным условиям и технике, и одинаковость их в странах соседних (Самарканд, Бухара, Вост. Туркестан) ставило торговлю в чрезвычайно тесные рамки, да и самый характер этой торговли прежде всего определялся опять таки разницей географических условий (шелк, фрукты, хлопок и т. д.).

Еще более ограниченными, почти не выходящими из рамок географически детерминированного разделения труда (на определенном и весьма низком уровне техники), были торговые отношения с объединенными в роды кочевниками северно-западных степей и окружающих гор. Скот и хлеб,—вот почти

единственные предметы обмена между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами, обмена, еще часто происходившего в непосредственно меновых, безденежных формах.

Хозяйство сохраняло по преимуществу натуральный характер, основные потребности удовлетворялись силами самой семьи, техника развивалась чрезвычайно медленно, и соответствующие такому хозяйству общественные отношения казались необычайно устойчивыми.

Землевладение было по преимуществу средним, и для концентрации земельной собственности не было подходящих условий. Кабальные отношения среди сельско-хозяйственного населения были развиты сравнительно слабо, — низкий уровень производительности труда и ограниченность рынков сбыта служили естественной границей для эксплуатации дехканства.

Государственно-налоговые повинности были почти исключительной формой его хозяйственных обязательств в отношении феодалов разных степеней и рангов-ханов и беков.

Наконец, и это чрезвычайно характерно для стран Среднего Востока, сам феодализм носил государственный характер; феодальная иерархия была построена сверху, и наряду с недоразвитыми феодальными отношениями в области хозяйственной существовала достаточно сильная ханская власть.

Идеология этого общества, чрезвычайно медленно развивающегося, натурального по своему хозяйству, патриархального в пределах семьи и феодального в государстве, систематически выразилась в Исламе, нашедшем в странах Средней Азии свою вторую родину.

Русское завоевание, проникновение в Среднюю Азию российского капитала, проведение железных дорог и открытие тем самым для Ферганы относительно безграничного рынка сбыта, чрезвычайно выгодная культура хлопка, которую всячески поощрял российский капитал, решительно и бурно сломали отмеченный выше хозяйственный уклад и связанные с ним общественные отношения.

Производительность труда дехканнина вместе с введением хлопка увеличилась. Спрос на хлопок и наличие привозного хлеба и продуктов промышленного производства создали условия для возможности перехода к товарному хозяйству. Высокие цены на хлопок в чрезвычайной степени интенсифицировали этот переход. Натуральное хозяйство было разрушено в несколько десятилетий.

Основные изменения произошли в области земельных отношений. Земля стала капиталом. Появился интерес к ее накоплению, концентрации. Хлопок, как высоко трудоемкая культура, требующая дополнительной (по отношению к пшенице) рабочей силы и создающая тем самым у дехканства потребность в ссудах, облегчал экспроприацию земли, % % на ссуды росли с ужасающей быстротой, достигая при кратковременных ссудах 300 и выше процентов. Долговая зависимость дехканства от ростовщического капитала, все прогрессировавшая, в конце концов, вела к потере земли. Земля, ставшая капиталом

с абсолютной неизбежностью концентрируется в одних руках и все больше и больше дробится в других.

Необходимо отметить совершенно своеобразную, замаскированную форму земельной концентрации. Вследствие особых условий поливного земледелия, требующего исключительно внимательного отношения к ведению хозяйства, землю оказывается невыгодными „освобождать“ от ведущего на ней хозяйства дехканства. Создается особый институт „чайрикеров“ (приблизительно соответствующих русским „испольщикам“), которые иногда работают на формально своей земле, но орудиями и семенами бая-ростовщика, иногда на байской земле, но своим инвентарем, но всегда и везде получающие только минимально необходимый продукт своего труда.

Разорение дехканства, с одной стороны, и рост землевладельческо-ростовщической и торговой буржуазии, с другой,—вот наиболее характерные отношения в туземном обществе, вырастающие на почве хлопкового товарного хозяйства.

В то же время, условия колониального режима, с их отказом от промышленного развития колонии, создают огромные массы совершенно пауперизированного населения, не могущего найти приложения своего труда. Частично они находят себе работу в хлопковых хозяйствах дешевизной своего труда, увеличивают барыши хлопковых магнатов, но хлопковое производство оказывается уже не в состоянии поглотить этой, все растущей резервной армии труда.

Отношение этих экспроприированных дехкан к новому, торгово капиталистическому порядку совершенно понятно. Они в нем и только в нем видят причину своего бедственного положения и вспоминают о добрых старых временах натурального хозяйства и обеспеченного существования. Город, торгово-промышленный город, разрушивший своей иноземной „культурой“ старый, привычный уклад жизни, становится ненавистным символом всего нового.

И поскольку главнейшим эксплуататором является русский капиталист, опирающийся на русский штык, постольку естественно и неизбежно стремление к реставрации прежнего натурального хозяйства, ненависть к городу и торговцам, что тесно переплетается и срастается в нечто единое со стремлением к национальному освобождению.

Вместе с ростом нищеты растет и протест, распадаются старые обычаи, рушатся, казавшиеся вечными и нерушимыми, устои патриархально-феодального общества. Увлеченная в погоню за барышом, молодая туземная буржуазия также отходит от старины,—в результате духовенство, этот носитель средневековой идеологии, становится в решительную оппозицию новому порядку, мечтает о восстановлении „золотого века“—Ислама и о „газавате“ против неверных.

За новый порядок, говоря словами в данном случае нелицеприятного свидетеля,—кокандского уездного начальника,—стоят лишь „торговцы, все со-

стоятельные классы, лица, состоящие на государственной службе и большинство городского населения“.

Недовольство широких масс дехканства выражается в ряде восстаний, особенно частых в хлопковых районах (Андижанский и Маргеланский уезды), отмечающих 78, 82, 93, 98 годы и становящихся все более угрожающими. Как общее правило, ими руководит духовенство.

В то же время и туземная буржуазия, за 2-3 десятилетия округлившая в достаточной мере свои капиталы, не имеет оснований быть довольной русским господством. О значении ее можно судить, например, по тому, что в 16 году 50 % членов кокандского биржевого комитета составляли туземцы. Обстановка колонии уже начинает ее стеснять. Она закончила период „накопления капитала“. Она стремится вложить свои капиталы в промышленность, а российский капитал осудил Фергану только на роль поставщицы сырья. Она уже не желает предоставлять российским капиталистам снимать сливки, а сама стремится к монопольной эксплуатации дехканства.

Она за новый порядок. Она поддерживает царизм в его борьбе со всякими попытками реставрировать натуральное хозяйство, ибо они означают ее гибель. Она даже готова, в весьма осторожной, конечно, форме, бороться с реакционными устремлениями духовенства и выдвигает новаторско течение „джадидизм“ (помимо всего прочего, ей необходима интеллигенция, воспитанная не в средневеково-схоластическом духе).

Она за *национальное* освобождение, которое должно ей и только ей принести власть.

Здесь необходимо отметить еще один, чрезвычайно важный для понимания басмачества, момент. Выросшие путем накопления торговой и ростовщической прибыли, капиталы в условиях колонии не могли найти себе применения в промышленности. В поисках наиболее выгодного применения, они вкладывались в земельную собственность. Владение последней, в обстановке неизжитых традиций и представлений феодального общества, наряжало ее в глазах дехканства в костюмы феодального прошлого и, благодаря ряду феодально-патриархальных пережитков, маскировало ее эксплуататорскую сущность. Стоя обеими ногами, т. е., в „новом порядке“, туземная буржуазия, помимо своей воли, сохранила себе пути отступления даже в случае реставрации натуральных хозяйственных отношений.

В этих условиях русская революция, или, вернее, полнейший отрыв Ферганы, вследствие ряда гражданских фронтов, от России, как бы открыла все шлюзы для открытого и бурного выражения недовольства различных классов туземного общества.

Необходимо отметить, что действительный классовый характер Советской власти был для большинства туземного населения далеко и далеко не ясен, а свора отбросов колонизационного аппарата, от царских чиновников и полицейских до армян-дашнаков, пытавшихся использовать момент для самого прямого и открытого грабежа туземного населения, ни в какой мере не

могла способствовать уяснению действительного характера происшедшего переворота. Сов. Государство было воспринято, как *новая форма русского господства* и колониальной эксплуатации.

Но если так понимали Сов. власть широкие массы дехканства, то туземная буржуазия, безусловно, давала себе отчет о смысле разворачивающихся событий. Необходимость прямой защиты своих классовых интересов была для нее ясна, а надежда, в случае удачи восстания, остаться монопольным эксплуататором туземного дехканства усиливала ее решимость,—в результате чего родилась т. н. „кокандская автономия“, с ее туземно-буржуазным правительством и попыткой объявить независимость Ферганы.

Буржуазия начала действовать. Но к несравненно более глубокому движению пришло ферганское дехканство.

Бывшие в оппозиции „новому“, товарному хозяйству, опутанное цепкой сворой ростовщиков, терявшее землю и все более и более разорявшееся, постепенно переходящее в промежуточный класс полу-рабочих, полусобственников, оно было совершенно неожиданно поставлено в невозможность сбыть даже тот хлопок, который получило в результате урожая. Между тем, ведь, взамен этого хлопка из России ввозилось в Фергану до 8 мл. п. хлеба.

Фергана, не имея возможности сбыть свой хлопок и получить извне необходимый для нее хлеб, была опять замкнута в своих географических границах. Дехканство вынуждено было отказаться от хлопка и перейти к зерновым культурам. Но это знаменовало собой переход в основном к натуральным формам хозяйства, ибо развитие меновое хозяйство в замкнутых границах Ферганы, при данном уровне ее сельскохозяйственной техники, невозможно и, приблизительно, ограничивается обменом в границах естественно-географического разделения труда.

Таким образом, хозяйственная необходимость отдельного, сравнительно кратковременного, периода действовала в том же направлении, как и выше-очерченное стремление к реставрации прошлого, как единственная возможность выхода из капиталистической эксплуатации.

А так как Сов. Власть являлась в первые моменты своего существования в Фергане, как и во всем Туркестане, преимущественно властью *городской и европейской*, так как дехканство воспринимало ее, как *новую форму эксплуатации*, а голод, возникший вследствие прекращения привоза хлеба, обострил все общественные противоречия, то вполне понятным становится то, что дехканство примкнуло к борьбе буржуазии против Советской власти.

Последующий разгром „Кокандской автономии“, грабежи и насилия „советских“ партизанских отрядов и дашнаков, безудержная волна реквизиций и конфискаций у дехкан последнего хлеба для прокормления городов, жел. дор., рабочих и армии и прочие, более чем многочисленные, безобразия „советской“ власти 18—19 гг. лишь убедили дехканство в неизбежности и необходимости борьбы.

Восстание, басмаческое восстание, во главе которого стала туземная буржуазия, стало широким массовым движением.

Противоречие интересов дехканства, стремящегося реставрировать такой порядок, в котором не было бы места для буржуазии, как класса, и туземной буржуазии, идущей к политической и экономической гегемонии над этим самым дехканством, безусловно на лицо, но вряд ли оно перед лицом той опасности, которая надвигалась в виде советских войск, сознавалось.

Противоречие было, оно определило дальнейшее развитие басмачества, но в это время (18 год) оно еще целиком было прикрыто лозунгами „независимой Ферганы“, „защиты Шариата от большевиков“ и идеологическим руководством духовенства.

Над восстанием было поднято национально-религиозное знамя.

* * *

Не рассматривая здесь подробно, за недостатком места, условий и причин возникновения басмачества в киргизских районах Ферганы, необходимо дать хотя бы краткую его характеристику.

До момента русского завоевания киргизы горных областей Ферганы в значительной степени уже подверглись колонизационному влиянию узбеков. Последнее шло в трех направлениях. Во первых, земледельческая колонизация предгорных районов, постепенное их орошение и распахиwanie и, тем самым, медленное, но неуклонное стеснение зимних пастбищ; во вторых, торговые отношения с узбеками, о характере которых уже говорилось выше, создали еще до русского завоевания зависимость некоторых киргизских районов от узбекского торгового капитала (потребность в хлебе), и зависимость эта чрезвычайно выросла за последние десятилетия. И, наконец, культурное влияние, которое сказалось, как в том, что почти все духовенство среди киргиз, близких к Ферганской долине районов, поставлялось из узбеков, так и в посылке молодых киргиз для обучения в узбекские школы, в увлечении грамотных киргиз узбекской литературой и т. п.

Русское завоевание не внесло в положение киргиз никакой принципиальной перемены. Вместо земледельческой колонизации узбеков появилась такая же русская, более энергичная и грубая, проводившаяся с большим насилием, так как она проходила под прикрытием несравнимо более мощного государственного аппарата российского самодержавия. Втечение двух десятилетий киргизы были буквально оттеснены в горы.

Меновое хозяйство, разлившееся по всей Фергане после ее завоевания, как основная хозяйственная форма, захватило в значительной мере и киргиз, создав их заинтересованность уже в русском в первую голову (а не узбекском) хлебе, в товарах русской промышленности (особенно хлопчатобумажной) и в сбыте продуктов скотоводства узбекскому дехканству, специализировавшемуся на хлопке.

Культурно-религиозное влияние осталось по прежнему за узбеками.

О самых формах колонизации говорить вряд ли стоит,—она совершалась с насилиями и зверствами, вполне достойными агентов российского самодержавия. Всеобщая бесправность киргиз перед любым русским полицейским и кулаком составляла „нормальное“ явление, а всеобщая ненависть, к которой угнетаемые платили угнетателям, вряд ли требует пояснений.

Родовая организация, полуразрушенная двойной узбекско-русской колонизацией, была подорвана, но еще далеко не вычеркнута из жизни киргизского народа.

Октябрьская революция, в свои первые годы, не только не принесла освобождения или хотя бы только смягчения гнета, но даже, наоборот, разнуждала всех колонизаторов (об этом уже говорилось выше),—создав условия безнаказанности.

Понятно поэтому, что возникновение басмачества в узбекской равнинной Фергане дало толчек и к возникновению киргизского басмачества.

Последнее, однако, имеет совершенно иной характер.

Оно организовано преимущественно по родовому признаку. Оно направлено исключительно против земледельческой колонизации и ликвидирует мелкие русские поселки и заимки, служившие опорными пунктами для дальнейшего продвижения вглубь киргизских районов. Оно в значительной степени имеет оборонительный характер, направленный против грабежей узбекских шаек и кулацких партизанских отрядов.

Соглашения его с узбекскими басмачами носит сравнительно случайный, кратковременный характер, как общее правило,—более оборонительный против советских войск, чем наступательный. (Последнее, конечно, не относится к чисто бандитским шайкам).

Как явление самого киргизского общества, оно особенно интересно тем, что, совпадая в общем с родовыми делениями и группами, оно носит, однако, в значительной степени феодальный характер (чрезвычайно резкое, например, противопоставление курбаши и его дружины, как особой авторитарной организации, остальным членам родовой группы). В хозяйственном смысле оно является, во первых, прямым протестом против колонизации—(в этом отношении ничего особенно интересного не представляет),—и, во вторых, стремление отграничить владения (кочевки—пастбища) отдельных феодально-родовых групп,—явление опять таки вполне понятное.

На характер и эволюцию узбекского басмачества оно оказало весьма мало влияния, будучи и политически и территориально локализовано в киргизских районах.

Еще меньшее влияние на развитие басмачества оказало участие в нем русской интеллигенции и белого офицерства. Они могли лишь в той или иной степени влиять на его военную технику, на его временные лозунги, на его тактику, но совершенно не определяли его социального содержания, будучи в басмачестве незначительной группой.

Таким образом, ферганское басмачество мы безусловно можем рассматривать, главным образом, как движение узбекских буржуазии и дехканства, основные настроения которых мы уже проследили выше.

* * *

Все сказанное в достаточной мере определяет характер басмаческого движения. Возникшее как обще—национальное восстание против иноземного господства и насилий примазавшихся к Советской власти держиморд 18-19 гг., оно было широким массовым движением подавляющего большинства населения и развивалось под руководством туземной буржуазии.

Централизация восстания вокруг Мадамин—бека, централизация военная и политическая, борьба „за порядок“,—т. е. за восстановление капиталистических отношений,—попытки соглашения с русским кулачеством (договор узбекских и русских колонизаторов о совместном ограблении киргиз), облегченные тем, что русские деревни были поставщиками хлеба и не выступали достаточно сильными конкурентами в хлопковых операциях—вот наиболее характерные моменты для первого периода басмачества до военного разгрома Мадамин—бека в 19 году.

Но разгром последнего был не только военным разгромом.

Борьба за „порядок“, соглашение с ненавистным бежканству русским кулачеством, полное выявление туземной буржуазией ее классового характера, элементарное улучшение советского аппарата и в основном совершившийся переход середняцкого дехканства к зерновым культурам вызвали его охлаждение к басмачеству. С другой стороны, вынужденный переход дехканства к натуральному хозяйству, почти полное прекращение хлопковых операций, сокращение хлопковых посевов с 330 т. дес. (15 г.) до 57 тыс. (19 г.) сделали туземную буржуазию исключительно паразитирующим классом, совершенно не нужным в новых условиях общественного производства, и тем самым лишили ее возможности руководства борьбой.

Т. н. „восточная политика“,—как назывался в Туркестане отказ от методов военного коммунизма,—и значительное приближение к тому, что позже вошло в историю под именем НЭПа,—в 19 г., позволили туземной буржуазии, отрывающейся от дехканства и разгромленной в вооруженной борьбе, попытаться пойти на соглашение с Сов. Властью.

Но если переход к нам Мадамин—бека, вождя басмачества, знаменовал „сменовеховские“ тенденции туземной буржуазии, то он же показал и то, что басмачество далеко не исчерпывается своей буржуазной характеристикой.

Целый ряд басмаческих курбаней и их отряды, представлявшие прежде всего резервную армию с. х. рабочих, не имевших заработка с прекращением посевов хлопка, и разорившееся дехканство, которое уже не могло прокормиться со своих карликовых участков, не последовали за Мадамином. Вслед за временным затишьем басмачество вновь вспыхнуло в конце 20-го и в 21 году уже в более типичном своем виде, ярко выражая свои феодальные тенденции.

Все курбаши, военные руководители басмачества, являются, как феодалы разных рангов и степеней, находящиеся в сложных иерархических между собой отношениях. Между крупнейшими из них была разделена вся Фергана. Их отношения друг к другу определяются количеством джагитов и вооружением, т. е. исключительно военной силой. Их отношения к декханству своих районов исключительно авторитарно и не похоже на те взаимоотношения партизанских отрядов и крестьянства, какие мы привыкли видеть в типичных мелкобуржуазных восстаниях. В то же время они, в известной степени, являются защитниками своего декханства от грабежа соседних курбашей и весьма не прочь пограбить декхан других районов. Подвластное им население обкладывается различными налогами. Многие из них пытались даже в той или иной степени организовать хозяйство своего феода, проводя посевные компании (для чего иногда проводились декреты Сов. Власти!), снабжая население в нужных случаях инвентарем, скотом и семенами, захватываемыми в других районах (напр. Парпи, Израил, Исмаил-курбаши и др.). Не смотря на ряд соглашений и многочисленные к тому попытки наиболее выдающихся его руководителей (Курширмат, Парпи), очерченный характер басмачества препятствует и политической и военной его централизации, и оно остается раздробленным.

Последнее заставляет многих европейских работников, т. е. „европеизировать“ басмачество, видеть в нем обычное мелко-буржуазное движение, выражающее протест декханства против политики военного коммунизма. Что подобного рода моменты частично содержались в басмачестве, бывшем достаточно сложным явлением,—это несомненно, но столь же несомненно то, что не они составляли его основную характеристику. Всякая излишняя европеизация басмачества, как и вообще восточных общественных отношений, на самом деле только запутывает, но отнюдь не облегчает их понимания.

Основные кадры басмачества в период после Мадамина формируются из люмпен-пролетарских элементов и разорившегося декханства, стремящихся не к восстановлению менового хозяйства, а к реставрации докантилистических отношений.

Дальнейшая эволюция басмачества определяется, главным образом, его отношением со средним декханством и с байством, понимая под последним тот общественный слой, который, будучи связан в большей или меньшей степени с землевладением и получением земельной ренты, стоит отчасти в рядах буржуазии, отчасти в рядах феодального типа аграриев (о связанности с последним туземной торгово-ростовщической буржуазии и о причинах этой связи мы уже говорили выше).

Отношения среднего декханства, все более и более разоряемого гражданской войной,—если исключить отдельные и часто территориально ограниченные колебания,—необходимо определить, как постепенный отход от басмачества. Причиной тому не только выяснившаяся военная безнадежность разорившего сельское хозяйство басмачества, но и заинтересованность се-

редняцкого дехканства в восстановлении хлопковой культуры и товарного хозяйства, а, следовательно, и органическая его враждебность объективным целям басмачества.

Этот постепенный отход от басмачества основных масс дехканства вел ко все большей его изоляции и даже ставил его во враждебное отношение к большинству населения.

Более сложно отношение к нему байского слоя, слоя полуфеодальной, полубуржуазной формации, за годы гражданской войны и революции в значительной степени потерявшего свой торговый характер самым восстановлением натурального по преимуществу хозяйства, т. е., переодетого в костюмы феодального прошлого. Необходимо отметить, что, являясь люмпен-пролетарским по своим основным кадрам, басмачество не только находилось с байством в чрезвычайно тесном контакте, но и выступало, как активный его защитник, против всяких попыток конфискации его земель, например, в Базар-Куганском и Камибадамском районах во время земреформы 21-ого года. Оба они, и басмачество и байство, являлись решительными врагами всякой мелко-буржуазной уравнительности.

Однако, выяснившаяся безнадежность восстания, с одной стороны, и новая экономическая политика, с другой, связанная в обстановке Туркестана с рядом „политических“ уступок,—возвращение духовенству вакуфов, введение факультативного суда казиев, разрешение духовных школ и фактический курс в туземном кишлаке на т. н. „влиятельных лиц“—оторвали от басмачества и этот, чрезвычайно важный в туземном обществе, слой.

Вместе с ним и по тем же причинам отошло от басмачества и духовенство.

Басмачество оказалось изолированным и выражающим интересы только выброшенных из производства люмпен-пролетарских групп и постепенно выродилось в чисто бандитские шайки, не только не встречающие поддержки в основных массах дехканства, но, наоборот, наталкивающиеся на его все растущее сопротивление.

В этих условиях, хотя и не исключена возможность частичных рецидивов басмачества,—напр., разоряемые голодом дехкане безусловно являются и будут являться на пополнение его кадров,—но, во всяком случае, время басмачества, как широкого массового движения, направленного к реставрации докапиталистического хозяйства, миновало уже безвозвратно.

В данное время, в условиях всеобщей разрухи, отрыва от рынков и недостаточности меновых ресурсов, временным победителем вышло хозяйство натурального типа. Но оно столь явно не может удовлетворить потребностей выросшего населения, что теперь само дехканство стремится к восстановлению хлопковых посевов, т. е. к переходу к меновым формам хозяйства.

* * *

Таково социальное содержание басмачества. В основе его лежит протест разоряемого дехканства против колониальной эксплуатации, который

в условиях распыленности, неорганизованности и классовой неосознанности джуканских масс, целиком еще находящихся в идеологических цепях прошлого и обладающих чрезвычайно низкой техникой, неизбежно приобретает характер борьбы за реставрацию прежних, освященных традицией и идеализируемых докапиталистических хозяйственных форм.

В условиях узбекской Ферганы он непосредственно был вызван хозяйственным кризисом первых лет революции. Но почва для него была подготовлена всем капиталистическим хозяйничаньем. В лице басмачества он нашел свое индивидуальное выражение.

Но то общее, типичное, что в нем имеется безусловно, может иметь место и в десятках других колоний.

Это общее то, что в условиях хозяйственно отсталых колоний протест против колониальной эксплуатации, особенно в моменты хозяйственных кризисов, может носить не только революционный, но и глубоко реакционный характер, и что это движение протеста подхватывается туземной буржуазией, пытающейся его использовать для ликвидации иностранного господства и утверждения своей классовой диктатуры.

За лозунгами национального освобождения может одинаково скрываться и революционная и реакционная сущность. Тот, кто стоит во главе движения и является его идеологическим вождем—средневековое духовенство или партия пролетариата,—определяет характер восстания.

В борьбе с империализмом на колониальном Востоке социальной революции в ряде случаев придется иметь дело не только с его собственными силами, но и с вызванными им тенденциями к реставрации докапиталистических отношений.

В этом уроки басмачества.

Г. Скалов.

Современный Дагестан.

Дагестан (в переводе „страна гор“) занимает пространство в 40.000 кв. верст с населением в 1.200.000 человек. Население распадается на массу маленьких племен. Миллион людей говорит на 6, различных в основе, языках и 32 наречиях. Иногда соседние аулы не понимают друг друга. Только немногие из этих языков имеют свою письменность на основе арабского алфавита. Мусульмане составляют 96 %, русские—3 %, горские евреи—1 %.

Не смотря на племенное разнообразие и разноязычие, основное дагестанское население представляет единое целое, крепко сплоченное вместе.

Сплоченность выработана общностью быта (патриархально-родового, еще не разложенного капиталистическим строем), религиозным фанатизмом и вековой борьбой за свою независимость.